

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Судебно-психологическая экспертиза

**Психолого-лингвистическая экспертиза материалов
экстремистской направленности**

Учебно-методическое пособие

Электронное издание

Красноярск
СФУ
2012

УДК 340.6(07)

ББК 67.532я73

С892

Составители: Л.З. Подберезкина, Е.Ю. Федоренко

С892 Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности: учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / сост. Л.З. Подберезкина, Е.Ю. Федоренко. – Электрон. дан. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows 98/XP/7; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

В учебно-методическом пособии обсуждаются вопросы, связанные с предметом и объектом психолого-лингвистических экспертиз материалов экстремистского характера. Обсуждаются проблемы современного определения понятия экстремизма; междисциплинарный подход в организации и проведении судебных экспертиз и исследований экстремизма; описываются основные методы психолингвистики, используемые для анализа материалов. В качестве примеров авторы предлагают варианты собственных экспертных заключений и материалы исследований.

Предназначено для студентов и магистрантов, изучающих курс «Судебно-психологическая экспертиза», а также специалистов психологов и лингвистов, участвующих в проведении психолого-лингвистических экспертиз.

УДК 340.6(07)

ББК 67.532я73

© Сибирский
федеральный
университет, 2012

Учебное издание

Подготовлено к публикации редакционно-издательским
отделом БИК СФУ

Подписано в свет 18.05.2012 г. Заказ 7840.
Тиражируется на машиночитаемых носителях.

Редакционно-издательский отдел
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел/факс (391)206-21-49. E-mail rio@sfu-kras.ru
<http://rio.sfu-kras.ru>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. Проблемы дефиниции видов экстремизма и понятийного аппарата экспертной работы.....	4
1.1. Проблема идентификации признаков экстремизма.....	4
1.1.1. Понятия «ненависть», «неприязнь», «вражда», «рознь».....	5
1.1.2. Определение дефиниций «разжигание вражды» и «возбуждение социальной, национальной или религиозной розни».....	6
1.1.3 Проблема формы передачи сведений – утверждения о фактах или оценочные мнения и суждения.....	8
1.2. Проблема определения призыва в праве, психологии и лингвистике.....	9
1.3. Проблема дефиниции социальных групп.....	15
1.4. Проблема критики власти.....	17
1.5. Проблема неангажированных властью экспертов.....	19
1.6. Проблема психологического анализа текста.....	20
2. Междисциплинарный подход к исследованию экстремизма.....	23
3. Психолингвистические методы исследования признаков экстремизма.....	25
3.1. Методологические вопросы лингвистического экспертного анализа.....	25
3.2. Методологические вопросы психологического экспертного анализа.....	26
4. Проблемы постановки вопросов экспертам (специалистам).....	30
ЛИТЕРАТУРА:.....	33
Приложение 1. Постановление о назначении комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы.....	35
Приложение 2. Образец направления на исследование.....	36
Приложение 3. Заключение комплексной судебной психолингвистической экспертизы материалов экстремистского характера.....	37
Приложение 4. Заключение специалистов по выявлению признаков экстремизма.....	44

ВВЕДЕНИЕ

В современном правовом и политическом пространстве все большую значимость приобретает особый вид речевых правонарушений, предусмотренных статьями 280 УК «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и 282 УК «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Квалификация данных видов речевых правонарушений всякий раз требует лингвистического и психологического обоснования, что обусловило появление новых видов судебных экспертиз – лингвистической и психолингвистической.

По данным судьи Верховного суда В.Давыдова, только в 2010 году суды рассмотрели 613 эпизодов обвинения по «экстремистским» составам УК, по наиболее тяжким из них осуждены 329 человек [3].

По словам председателя управления Гильдии лингвистов–экспертов Михаила Горбаневского, «в прошлом году примерно четверть исследованных нами спорных текстов касалась как раз нарушений этого закона («О противодействии экстремистской деятельности») и статьи 282 Уголовного кодекса («Разжигание расовой, межнациональной, религиозной розни»). Отмечу, что по сравнению с 2009 годом рост в этой категории дел составил примерно 10%. Однако, на взгляд многих опытных экспертов, определение видов экстремизма, этого негативного и опасного явления, прописано в федеральном законе №114 слишком размыто» [11].

Анализ экспертиз, представленных в материалах уголовных дел на различных сайтах, экспертных заключений, проведенных нами на территории региона, а также материалов, по которым отказано в возбуждении дел по данным статьям, позволил выявить следующие ключевые проблемы в данной сфере.

1. Проблемы дефиниции видов экстремизма и понятийного аппарата экспертной работы

1.1. Проблема идентификации признаков экстремизма

«Пока действуют нынешние размытые дефиниции видов экстремизма, задача неангажированных властью профессиональных экспертов состоит в том, чтобы давать максимально взвешенную оценку спорным текстам. Это поможет охладить пыл властей наказывать тех неугодных журналистов, гражданская позиция которых нередко совершенно необоснованно и неправосудно приравнивается к социальному экстремизму» [11]. В примере также исследователями проблем экстремизма вербальный (словесный) экстремизм определяется как целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют

противоправные действия экстремистского толка, оправдывают или обосновывают их, пропагандируют нацистскую символику и атрибутику, направлены на возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды либо ненависти в публичных выступлениях, печатных изданиях, СМИ. Целевой установкой таких высказываний, их умыслом является формирование у слушателей враждебного, нетерпимого, неприязненного отношения к кому-, чему-либо путем агитации и обоснования невозможности изменения сложившейся ситуации иначе, чем с помощью агрессивных, насильственных действий против кого-, чего-либо; побуждение (провокация) слушателей к агрессивным, насильственным действиям против кого-либо с целью быстрого коренного изменения сложившейся ситуации; разжигание, возбуждение, провоцирование розни путем обоснования и пропаганды наличия отрицательных качеств и пороков, присущих какой-либо группе лиц, выделяемой по национальному, религиозному признаку или по признаку происхождения.

Вместе с тем, как отмечает Н.А.Егорова, ни в уголовном законе, ни в постановлениях пленума Верховного Суда РФ не раскрыто содержание характеризующих мотивы преступного экстремизма понятий «политическая ненависть (вражда)», «идеологическая ненависть (вражда)» и «ненависть (вражда) в отношении какой-либо социальной группы» (или так называемая «социальная ненависть (вражда)»). Данное обстоятельство вызывает сложности при квалификации преступлений экстремистской направленности и провоцирует применение уголовного закона об этих преступлениях для борьбы с инакомыслием. [7]. Все изложенное позволяет сделать следующие выводы.

- 1) В Законе об экстремизме необходимо сформулировать общее определение понятия «экстремизм», которое учитывало бы этимологию данного слова.
- 2) Исходя из данного определения, надо предусмотреть в УК (в п. 2 примечаний к ст. 282.1 УК) исчерпывающий перечень экстремистских преступлений (а не «преступлений экстремистской направленности», как в действующей редакции упомянутой нормы).
- 3) Следует дополнить УК статьей (ст. 278.1 УК) о разработке, финансировании и осуществлении противоречащих Конституции РФ технологий ненасильственной смены государственной власти в Российской Федерации.
- 4) Целесообразно исключить из соответствующих статей УК указание на такие мотивы, как политическая, идеологическая ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы» [7].

Для объективной квалификации спорных материалов необходимо точное психолингвистическое толкование данных категорий, вокруг которых строится понятийный аппарат экспертной работы.

1.1.1. Понятия «ненависть», «неприязнь», «вражда», «рознь»

Эксперты Центра по изучению проблем экстремизма Санкт-Петербургского государственного университета считают, что «ненависть»,

«неприязнь», «вражда», «рознь» обычно используются как синонимы. «Между тем существующие смысловые различия позволяют употреблять их с целью более точной интерпретации различных случаев.

Понятием «ненависть» характеризуется чувство сильной неприязни к кому-либо. Это чувство человек может испытывать немотивированно, в одностороннем порядке. Понятие «ненависть» противоположно по своим семантическим свойствам понятию «любовь», поэтому чувство ненависти может быть как взаимным, так и односторонним. Внешнее проявление или выражение чувства ненависти наносит моральный или материальный ущерб человеку (группе людей), в отношении которого (которых) проявлено такое чувство.

Враждой называют отношения и действия, которые мотивированы чувством неприязни, ненависти, злобы. Для того чтобы отношения можно было квалифицировать как враждебные необходимо, чтобы человек (группа людей) потерпела моральный или материальный ущерб от другого человека (группы людей). Понятие «вражда» противоположно по своим семантическим свойствам понятию «дружба» [13].

В проводимых исследованиях необходимо также руководствоваться лингвистическим (словарным) толкованием данных понятий. Так, например, по данным Большого толкового словаря русского языка. – Спб., Норинт, 1998 (БТС):

«Ненависть – чувство сильнейшей вражды, неприязни» (БТС, С. 628).

«Вражда – отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью» (БТС, С. 156).

«Возбудить – 1. Вызвать, пробудить какое-л. чувство или состояние» (БТС, С. 142).

1.1.2. Определение дефиниций «разжигание вражды» и «возбуждение социальной, национальной или религиозной розни»

Второй круг понятий связан с необходимостью различения таких дефиниций, как «разжигание вражды» и «возбуждение социальной, национальной или религиозной розни».

Как отмечают эксперты Центра по изучению проблем экстремизма Санкт-Петербургского государственного университета, «разжигающей в смысле ст. 282 УК РФ и 114-ФЗ является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку, направленную на формирование негативного чувства, отрицательную эмоциональную установку в отношении какого-л. человека или группы людей, выделяемых по признаку национальной, расовой, конфессиональной принадлежности, подстрекающую к нанесению им ущерба (ограничению прав или к насильственным действиям). Подобная

информация способна породить напряженность, враждебность в обществе, стать основой социально-политических конфликтов.

Разжигание вражды, ненависти проявляется в попытках склонить слушателей к действиям, направленным на ущемление чьих-либо законных прав и интересов на основании сложившихся устойчивых неприязненных отношений, сильной антипатии к человеку или группе лиц.

Признак возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни (вражды) рассматривается как главный признак осознанной провокации говорящего интеллектуальной и эмоционально-психической реакции своих слушателей. *Возбуждение розни* в отличие от *разжигания розни* не обязательно является самостоятельной социально-политической целью или нарочитым умыслом высказывания. *Возбуждение розни* является коммуникативным результатом, следствием высказываний говорящего. Понятия возбуждение и разжигание ненависти или вражды, также как и оскорбление или унижение чувств граждан, их чести и достоинства относятся к числу субъективных квалификаций, и для их правильного применения эксперту необходимо давать операциональное истолкование (т.е. такое объяснение, которое может быть проверено с помощью процедур лингвистического анализа, интерпретации и синтеза).

Для обоснования наличия признака «*разжигание ненависти, вражды*» необходимо доказать, что говорящий реализовал необходимые условия для формирования у слушателей оценочного мнения о наличии у какого-либо человека или группы лиц таких внутренних моральных качеств, свойств, пороков, проявляемых в поведении, которые делают закономерным ответное негативное (неприязненное, пренебрежительное, враждебное и т.п.) отношение к человеку или группе лиц.

Возбуждающим вражду является тенденциозный подбор порочащих высказываний, в которых фактические данные используются с нарушением логики аргументации, последовательности событий, с искажением смысловых отношений и нарушением количественных пропорций. Ложность, фиктивность сведений, заведомая неправда в изложении фактов и мнений должны удостоверяться выводами из исследований соответствующих специалистов. Эти выводы являются одним из доказательств намерений автора, его умысла.

Например, признак «*возбуждение розни*» реализуется в утверждении о национальном, религиозном, расовом превосходстве или исключительности одной группы людей в сопоставлении с генетической, биологической, социальной, нравственной ущербностью или порочностью другой группы людей, выделяемой по признаку принадлежности к какой-либо расе, нации, религии.

Для обоснования наличия признака «*разжигание розни, вражды*» необходимо доказать речевую реализацию призыва, побуждения слушателей к такому действию против человека (группы людей), необходимость которого обосновывается говорящим.

Если *разжигание розни* обычно является результатом агитационного воздействия на поведение слушателей, провокацию их на ответные действия, то *разжигание ненависти* реализуется пропагандистскими методами воздействия на их эмоционально-психологическое состояние» [13].

Механизмом возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни является унижение национального достоинства. Под этим выражением понимается негативный отзыв или действие по отношению к лицу в связи с его национальной принадлежностью, либо негативное высказывание в отношении национальной группы. Кроме того, признаком унижения достоинства является использование ненормативной лексики, негативных названий этнических групп («нечисть», «жиды», «синоублюдки», «черножопые» и т.д.), сравнение национальностей с неодушевленными предметами или животными («чурки», «ишаки», «русские свиньи» и т.д.). Лексико-семантический и лингвостилистический анализ высказываний *«Богатые «жиды» и своих бедняков не жалеют, брезгают ими; Везде мы, русские, пропускаем вперед нечисть; Дети дьявола делают все для посева розни среди русских»* показывает, что данные фразы относятся к характеристике личностей, а не их действий или поступков, выражены преимущественно в форме утверждений, а не мнения, являются инвективно направленными, т.е. имеющими целью сознательное словесное оскорбление данных лиц. При этом оскорбительными являются слова, содержащие экспрессивную негативную оценку (*нечисть; дети дьявола; жиды и др.*).

1.1.3 Проблема формы передачи сведений – утверждения о фактах или оценочные мнения и суждения

На необходимость выделения данного критерия было указано в постановлении пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. №3: в соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции РФ, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом защиты в порядке статьи 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. А.Н.Баранов выделяет следующие существенные характеристики категории утверждения: 1) грамматическая форма выражения утверждения – это повествовательное предложение с присущими ему грамматическими характеристиками (прежде всего сказуемым в форме индикатива при отсутствии показателей мнения и

предположения); 2) утверждение верифицируемо, т.е. может быть оценено как истинное или ложное; 3) утверждениями могут быть части высказываний (речевых актов).

Таким образом, утверждение с точки зрения лингвистической теории – это «вербально передаваемая кому-либо информация о том, что из нескольких возможностей имеет место одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в грамматической форме повествовательного предложения, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) со сказуемым в индикативе и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [2. С.32]. Эксперты Центра по изучению проблем экстремизма Санкт-Петербургского государственного университета также считают, что «от оценочных выводов автора, направленных на пропаганду вражды, следует отличать констатацию фактов, которые обычно приводятся в аргументирующей части авторского рассуждения. Такая констатация не несет самостоятельного отрицательного "эмоционального заряда" и, взятая сама по себе, еще не имеет негативной установки. Например, сообщение о том, что *«чаще всего негативные эмоции у сограждан по-прежнему вызывают представители кавказских народов (29%). Значительно реже говорят о нелюбви к выходцам из Средней Азии (6%). По 3% недолюбливают китайцев и евреев. Впрочем, большинство опрошенных одинаково хорошо относится ко всем народам и национальностям (56%)»*, нельзя считать направленными на возбуждение национальной вражды, если цель этой констатации заключается в том, чтобы привлечь внимание общественности и специалистов к конкретной проблеме, а не укрепить в массовом сознании предубеждение к представителям этих национальностей ссылкой на авторитет общественного мнения.

Под обоснованием чего-либо понимается подкрепление доказательствами, приведение доводов для доказательства некоторого положения (тезиса), аргументация того, почему надо думать или делать именно так, как заявляет автор, а не иначе. Обоснование является эксплицитным (т.е. ясно выражаемым утверждением). Оно представлено в тексте в виде аргументов (доводов), имеющих логико-смысловую связь с доказываемым тезисом» [13].

1.2. Проблема определения призыва в праве, психологии и лингвистике

В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002г. №114-ФЗ дается определение экстремистской деятельности, согласно которому экстремистской деятельностью признаются, в

частности, публичные призывы к осуществлению деятельности следующих видов:

- к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- к подрыву безопасности Российской Федерации;
- к созданию незаконных вооруженных формирований;
- к захвату или присвоению властных полномочий;
- к осуществлению террористической деятельности;
- к возбуждению расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- к унижению национального достоинства;
- к осуществлению массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, расовой и религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- к пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011г. №11 содержит следующее определение призыва:

«4. Под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

При установлении направленности призывов необходимо учитывать положения Федерального закона от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности".[17]

Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п.).

Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет» [17].

«Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий,

депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды» [17].

Для подготовки экспертного заключения принципиально важным является понятие «направленность речевого действия», которая определяется «способностью текста сформировать в сознании слушателей определенный мыслительный результат путем оказания морально-психического воздействия на сознание слушателей. Ключевая проблема, которую обязан доказательно и объективно решить эксперт, заключается в определении меры (потенциала) воздействия содержания текста на сознание слушателей. Здесь важно подчеркнуть – задача эксперта состоит только в том, чтобы оценить потенциал воздействия содержания текста, а не реальные последствия воздействия текста на социальные группы людей, выделяемые по этническому, расовому, религиозному и т.п. признаку. (...). Направленность речевого действия на вредные последствия определяется путем исследования содержания рассуждений, реализуемого в одной из возможных комбинаций логической схемы: тезис – обоснование тезиса – вывод» [13].

Проблема речевого акта призыва в лингвистической экспертизе текста рассматривалась, в частности, А.Н.Барановым в [2]. Отмечая, что призыв как речевой акт является частью общественно-политической коммуникации и отличается от других видов побуждений, исследователь выявляет участников данного речевого акта (политические субъекты или конкретные лица, осмысляемые как представители политических субъектов), а также содержание речевого акта – побуждение выполнить некоторое действие, рассматриваемое как часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы [2. С.419]. В отличие от обычных побуждений призыв не требует немедленного выполнения, а скорее, является рекомендацией к поведению, основанной на тех или иных идеологических, ценностных категориях. Например, призыв «да здравствует социализм!» не предполагает немедленного свершения каких-либо действий. Исследователь выделяет классические призывы, к которым относятся призывы инклюзивного и эксклюзивного действия, призывы-лозунги, призывы-апелляции, а также структурно более сложные призывы-обращения и призывы-воззвания [Там же].

Лингвистическое толкование призыва в наших экспертных заключениях прежде всего основывается на данных толковых словарей русского языка и русской академической грамматики.

РГ - Русская грамматика. Т.1, Т.2. - М.: «Наука», 1982.,

КРГ – Краткая русская грамматика. – М., 2002.

БТС – Большой толковый словарь русского языка. –Спб., Норинт, 1998.

МАС – Словарь русского языка в 4-х т. / АН СССР, 1985.

ТСРЯ - Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/ РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2007).

Так, семантика соответствующих глаголов в русском языке передается следующими толкованиями:

Побудить – склонить к какому-н. действию (ТСРЯ:657).

Призывающий – страдательное причастие от глагола «призывать».

Призвать - 2) обратиться к кому-либо с требованием, просьбой принять участие в каком-л. деле, присоединиться к какой-л. деятельности (МАС:410).

Призвать – 1) позвать, пригласить, потребовать явиться или делать что-л.; 3) предложить, приказать вести себя так или иначе (БТС: 977).

Призыв – 2. Политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование (ТСРЯ:731).

Враждебный – 1. Крайне неприязненный, полный вражды, ненависти. *Враждебные отношения. В. взгляд.* (ТСРЯ: 116).

Грамматика призыва

С точки зрения грамматики русского языка на побуждение в форме требования, призыва к враждебным действиям указывают, во-первых, специальные грамматические формы побуждения и речевого акта призыва – формы глагола 2 лица мн. числа побудит. наклонения (*Разрушайте!*); формы совместного действия (*Разрушим!*; *Давайте разрушим!*; *Будем разрушать!*); соединения спрягаемого глагола с одной из синтаксических частиц (*пусть, пускай, да*) и т.д.

Как отмечают авторы «Краткой русской грамматики», помимо форм синтаксического побудительного наклонения, волеизъявление в русском языке может быть выражено средствами императивной интонации (*Сюда!*; *Быстрее!*; *Ко мне!* и др.), специальными типами предложений, в семантику которых входит волеизъявление: инфинитивных (*Молчать!*) и именных (*Огонь!*; *Чаю!*), средствами интонации в безглагольных предложениях (*Тишина!*; *Ни шагу назад!*), междометными высказываниями (*айда, ша, цыц*), формами прошедшего времени глаголов *начать, кончить, пойти, поехать, полететь, взять, взяться* и др. в сочетании с соответствующей интонацией (*Пошли с нами!*; *Поехали!*; *А ну взяли!*); в глагольных предложениях, относящих действие ко 2 или 3 лицу, побуждение может быть выражено формой будущего времени – в сочетании с соответствующей интонацией (*Будешь учиться!*; *Поедешь!*; *Останешься бригадиром!*) (КРГ: 538).

Характеризуя предложения с союзами, обслуживающими сферу волеизъявления, авторы «Краткой русской грамматики» указывают на выражение значения волеизъявления вместе с опорными словами следующих

семантических групп: просьбы, совета, призыва и предложения (*просить, упрашивать, молить, заклинать, советовать, побуждать, предлагать, призывать*) (КРГ: 587).

Таким образом, с точки зрения синтаксической структуры, в высказывании, квалифицируемом как призыв, должна быть представлена одна из грамматических форм побуждения, то есть волеизъявления, направленного на осуществление чего-либо, а не выражение субъективно-модального значения необходимости, желательности, целесообразности или возможности действия. С учетом данных факторов такие высказывания, как «*Я бы просто вот хотел сказать перед вами, молодежь, что нужно вот так действовать. Нужно не стоять возле администрации ..., а... штурмовать администрации*» и «*И еще я бы хотел сказать, что нужно границы перекрывать*» были расценены нами как **не содержащие** «призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства по национальному признаку».

К аналогичному выводу мы пришли и в другом экспертном заключении. В повествовательном предложении «*Сейчас именно кризис еврейского мирового проекта, и надо помочь разрушить его*» не представлено ни одной из грамматических форм побуждения в русском языке, а выражено отношение говорящего к деятельности, модальное значение необходимости.

В то же время лингвистически выраженное побуждение «УБЕЙ В СЕБЕ РАБА!», квалифицированное экспертами как ПРИЗЫВ К УБИЙСТВУ (Возврат к политическим репрессиям?// www.crimpravo.ru), не соответствует жанру призыва уже по коммуникативным основаниям – данное высказывание не является частью общественно-политической коммуникации, волеизъявление не направлено на применение насилия по отношению к представителям какой-либо нации, расы, приверженцам той или иной религии и других групп лиц.

Проблема коммуникативных оснований призыва как речевого жанра рассматривается экспертами следующим образом. «Призыв является одним из видов речевого диктата, насилия, цель которого императивно изменить или создать новые приоритеты деятельности и мировоззрения адресата. Призывы можно разделить на воззвания и лозунги. Воззвание – этот речевой акт имеет целью побудить, обязать адресата выполнить действие, рассматриваемое автором как важная часть общественно полезной деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов. Воззвание обычно используется для побуждения адресата учитывать в своей деятельности необходимость достижения этих идеалов. Лозунг – это речевой акт имеет целью убедить адресата принять на веру высказанную идею, требование, мысль. Содержание лозунга обычно имеет форму достоверной и обоснованной мысли, лежащей в основе деятельности социально-политических субъектов, от

имени которых выступает говорящий. Лозунг используется для воздействия на мировоззренческие предпочтения слушателей» [13].

Данное разграничение, тем не менее, не проясняет для эксперта, являются ли публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности такие завершающие текст одной из публикаций в СМИ высказывания-лозунги, как, например, *«Долой капитализм! Долой бессовестных и до предела циничных начальников-буржуев! Да здравствуют всеобщие и дружные заводские забастовки! Да здравствует социализм!»*. Данные лозунги с позиций коммуникативного анализа не указывают на конкретное действие (например, *Бастуйте!*) и, с нашей точки зрения, в большей степени соответствуют выражению оценки политического общественного феномена, субъекта действия, политического действия. Таким образом, данные типы высказываний мы оцениваем как форму **критики** политических и идеологических убеждений, которая, в соответствии с постановлением Пленума от 28 июня 2011 г. №11, «не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды»[17].

Значительные трудности для экспертного анализа представляют также косвенные формы призывов, например *«Свободу не дают, ее берут»*, где адресат действия опущен, а описание действия нельзя однозначно отнести к насильственному изменению основ конституционного строя.

Все указанные факты обуславливают необходимость решения актуальной для экспертного сообщества задачи - полного лингвистического описания косвенных форм призывов к насильственным действиям (в том числе на основе имеющихся прецедентных текстов) и их соотнесения с формами и жанрами критики политических и идеологических убеждений.

Как отмечает А.Н.Баранов, «исчислить все возможности передачи пропозициональной семантики призывов, связанных с возбуждением расовой, национальной и религиозной розни, (...) не представляется возможным» [2. С.454]. Вместе с тем, исследователь предлагает стратегию построения оценочно-мотивированных призывов, которая схематично может быть представлена следующим образом:

Приписывание отрицательной (положительной) оценки группе людей, сформированной по этническому, национальному или религиозному принципу
->

Противопоставление данной группы другим группам по указанной оценке ->

Описание действия, которое надо выполнить по отношению к отрицательно (положительно) оцениваемой группе ->

Мотивация действия оценкой (факультативно) [2. С.463]. При этом обязательным условием оценочно-мотивированных призывов является наличие контрастивной оценки с разными типами противопоставлений, например: *Великий русский народ восстань и сбрось с себя инородцев!*

Наличие контрастивной оценки позволило нам в проведенных экспертных исследованиях отнести к возбуждающим национальную рознь в контексте высказываний *«Богатые «жиды» и своих бедняков не жалеют, брезгают ими»*; *«Миллионы инородцев заполняют страну»*; *«Везде мы, русские, ...пропускаем вперед нечисть»*; *«Дети Дьявола делают все для посева розни среди русских, чтобы пошел брат на брата...»* и других следующий призыв: *«Вот лозунги дня: «Россия против оккупантов!», «Русские вперед!»*.

Но, с другой стороны, именно имплицитность признака контрастивности в лозунге *«Слава русской России!»* не позволяет нам расценивать его как фразу, направленную на возбуждение национальной розни.

Несмотря на сложность определения пропозиционального содержания призывов и невозможность его полной формализации, А.Н.Баранов предлагает описание этапов процедуры обнаружения содержания призыва и выявления его семантики, которые можно рассматривать как часть формализованной процедуры семантического анализа.

Все указанные факты свидетельствуют о сложности объективации семантики призыва и неоднозначной лингвистической интерпретации исследуемого материала.

1.3. Проблема дефиниции социальных групп

В законе нет ясного определения социальной группы, но при этом говорится, что против ее членов может быть направлена экстремистская деятельность. Между тем в проводимых исследованиях лингвисты-эксперты регулярно сталкиваются с проблемой квалификации таких адресатов публичных высказываний, как *«начальники-буржуи»*, *«представители сионистского капитала»*, *«хозяева жизни»*, *«капиталисты»* и т.п.

По словам судьи Давыдова, на заседании Пленума Верховного суда РФ звучали даже предложения выделить как отдельную социальную группу милиционеров и чиновников. Напомним, что есть примеры приговоров блогерам и журналистам, осужденным за «разжигание ненависти» к представителям власти как социальной группе (наиболее известное — дело Ирека Муртазина, бывшего пресс-секретаря президента Татарстана). Однако в ходе подготовки проекта Пленума Верховного Суда возобладало мнение, что подобное толкование неверно: «нельзя выделять только отдельные группы, все мы принадлежим к какой-нибудь социальной группе. Чиновники у нас и так хорошо защищены», — подчеркнул Давыдов [3].

Об актуальности данной проблемы свидетельствует и следующее мнение: «Профессиональные социологи не знают таких очерченных социальных групп, как «управленцы, бизнесмены, “хозяева жизни”, “капиталисты”» или «другие»; соответственно, эти понятия не могут

фигурировать в обвинительных заключениях и приговорах судов по печально знаменитой 282 статье» [1].

Как отмечает Яков Гишинский, доктор юридических наук, профессор, зав.кафедрой уголовного права РГПУ им. А.И.Герцена, 282 статья УК была нужной и важной, пока была направлена только против разжигания межнациональной, расовой и религиозной вражды и ненависти. «Но в 2003 году ее дополнили положением о разжигании вражды и ненависти по признаку принадлежности к социальной группе – и это сразу нарушило ее логику и смысл. Я бы исключил разжигание вражды к социальной группе, потому что под этим у нас понимают все, что угодно: партию, правительство, милицию, полицию, ФСБ. Усиление ответственности по статье 282 до десяти лет заключения в этих условиях приведет только к усилению политических репрессий» [12].

По мнению экспертов Центра по изучению проблем экстремизма Санкт-Петербургского государственного университета, «под *социальными группами* понимаются относительно устойчивые совокупности людей, имеющие только им присущие признаки и выступающие целостными субъектами отношений в обществе, в сферах, наиболее отвечающих реализации их потребностей. Различают социальные группы с признаками этнической, конфессиональной, демографической общности. Эти группы в структуре общества имеют координационные взаимосвязи. Общественные классы, социальные слои и профессиональные группы с социально-иерархическими взаимосвязями выделяются по признакам профессиональной деятельности, должности (месту работы, обучения, военной службы и т.п.). Выделяются также социальные группы, члены которых находятся между собой в непосредственном личном общении и взаимодействии (семья, соседская общность, школьный класс, первичная производственная ячейка, дружеская компания и т.п.).

Под социальными группами здесь понимаются такие группы людей современного общества, которые выделяются по признакам, определяющим национально-культурные особенности конкретной личности, его индивидуальность. К ним относятся признаки языка, религиозной принадлежности, а также признаки расы, национальности, происхождения и пола. Все эти признаки имеют и дополнительную особенность – они являются неизменяемыми для человека, присущими ему от рождения (раса, национальность, происхождение, пол, религиозная конфессия). (...) Социальные группы, выделяемые на основе общности изменяемого функционального признака (профессиональная деятельность, место работы, политические взгляды, властные социально-политические полномочия), также подлежат юридической защите в соответствии со ст. 282 УК РФ и 114-ФЗ» [13].

Однако данным определением трудно руководствоваться при отнесении, например, сотрудников «Русгидро» к одной социальной группе. (Приведем некоторые примеры из материалов дел: «если ГЭС будет

построена, Правительство России сознательно пойдет на преступление против коренных народов, проживающих на севере Эвенкии»; «В расчете на то, что люди не узнают, и не догадаются, от чего теряют здоровье. Хотя, почему тайное - чиновники прекрасно об этом знают: Русгидромед снабжает своими обзорами Правительство России, Совет Федерации и Думу, министерства и ведомства и, конечно же, Росприроднадзор» и т.п.).

В самом широком понимании к социальным группам относятся такие, которые выделяются по признакам, определяющим национально-культурные особенности конкретной личности - языка, религиозной принадлежности, а также признакам расы, национальности, происхождения и пола. Все эти признаки являются неизменяемыми для человека, присущими ему от рождения. Исходя из данного определения, не могут быть признаны социальными группами «начальники-буржуи», «жидоублюдки в погонах», «представители сионистского капитала», «крышеватели кавказских бандитов» и т.п.

Таким образом, для правильной формулировки ответа на поставленные перед экспертом вопросы необходимы четкие (однозначные) идентификационные основания отнесения к одной социальной группе (критерии).

1.4. Проблема критики власти

Наиболее точно данную проблему обозначил М.Горбаневский: «Если анализировать наши экспертные работы за 2010 год, то придется с сожалением признать: примерно в 60% случаев претензии к журналистам были обоснованны. Причем это те случаи, в которых для нас, как экспертов, было совершенно ясно, что налицо унижение чести и достоинства людей, разжигание ненависти или оскорбление. Но в 40% случаев судебные иски, заявления в прокуратуру или жалобы в следственные органы являлись попыткой властей (особенно это касается региональных элит) свести счеты с неугодными журналистами, которые еще остались на достаточно зачищенном медиапространстве» [11].

Верховный суд выступил в защиту свободной общественной дискуссии по острым вопросам. В постановлении Пленума сказано: «Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

При установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета

Европы 12 февраля 2004 года, и практику Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц» [17].

В предвыборных материалах КПРФ и ЛДПР резкая критика направлена против отдельных чиновников, в том числе президента и правительства, но не против государства как такового, изменения политического строя или свержения действующей власти.

Сравните стратегию дискредитации в предвыборных листовках «Единой России» в период агитации с 15.10.2003 по 05.11. 2003: **«Коммунисты: ложь и правда. Оружие КПРФ в борьбе за власть – откровенная ложь. 1. «КПСС выступала за сохранение СССР?» - Ложь! На самом деле: 12 декабря 1991 г. все члены фракции «Коммунисты России» Верховного Совета РСФСР единогласно голосовали за ратификацию Беловежских соглашений. Коммунисты развалили Союз! 2. «КПРФ поддерживает пенсионеров?» - Ложь! На самом деле: 12 июля 1996 г. депутаты фракции КПРФ голосовали против того, чтобы включить в пенсионный стаж службу в армии, уход за младенцем, инвалидом 1-й группы, учебу в вузе. Коммунисты ограбили пенсионеров! 5. «КПРФ поддерживает науку и образование?» - Ложь! На самом деле: 19 марта 2003 г. ни один депутат от КПРФ не поддержал предложение увеличить размер надбавок за ученую степень в три раза. Коммунисты обрекли ученых на нищету!»** и т.д.

Текст листовки Челябинского регионального отделения НДПР Межрегионального общественного движения за национальное возрождение Национально-державный путь Руси под названием **«Обращение гражданам России: реформа ЖКХ очередной обман, дальше некуда...!!!»**, лозунги рабочих предприятия **«Долой капитализм! Долой бессовестных и до предела циничных начальников-буржуев! Да здравствует социализм!»** с позиций коммуникативного анализа не указывают на конкретное действие (например, *Бастуйте!*) и в большей степени соответствуют выражению оценки политического общественного феномена. Данные типы высказываний могут быть расценены как формы критики политических и идеологических убеждений, которая, в соответствии с постановлением Пленума, не должна

рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

1.5. Проблема неангажированных властью экспертов

«Попытки давления на экспертов, в том числе в виде угроз физической расправой, стали появляться все чаще. И это тревожный симптом. Например, члена нашей гильдии профессора из Мордовии осужденные благодаря его экспертизе фашиствующие молодчики и их подельники публично угрожали сжечь заживо!» [13].

Вместе с тем известны и широко обсуждаются в интернет-сообществе многочисленные факты необъективных экспертных заключений.

«Достаточно вспомнить печально известное питерское дело. В феврале прошлого года группа подростков-неонацистов избила двух школьников-дагестанцев с криками: «Замочи хача!», «Бей черного!» и «Россия для русских!». Было возбуждено уголовное дело, и следователь назначил лингвистическую экспертизу, чтобы определить, есть ли признаки разжигания национальной ненависти. Так вот «эксперт», к которой попало дело, написала примерно следующее: мол, фраза «Россия для русских!» в контексте стычки подростков может расцениваться как ироническое высказывание и не содержит вербальных признаков экстремизма и разжигания межнациональной розни. Информация об этом «выводе» попала в СМИ и всколыхнула все экспертное сообщество. Но, к счастью, благодаря усилиям общественных организаций городской суд Санкт-Петербурга вернул дело на новое рассмотрение в нижестоящую инстанцию, с новым составом суда, и уже есть постановление о проведении независимой лингвистической экспертизы комиссией из трех питерских ученых» [11].

Отметим также акцентирующее проблему компетентности экспертного сообщества высказывание Алека Д.Эпштейна: «Поскольку государство контролирует всю сферу судопроизводства, именно им должны быть установлены некие минимальные критерии компетентности, позволяющие тому или иному лицу претендовать на то, чтобы выступать в качестве эксперта в уголовном процессе, частью которого является анализ текстов сквозь призму методологий, принятых в общественных науках. Подобно тому, как в судебной экспертизе вскрытие трупов поручают патологоанатомам, а не журналистам, кандидаты медицинских наук не могут выступать как эксперты по социолингвистическому анализу текстов.

Во-вторых, коль скоро принцип состязательности сторон признан основополагающим в организации уголовного процесса, он должен быть распространен и на экспертные заключения. Вариативность подходов и методов, принятых в общественных науках, практически неизбежно позволяет разным специалистам придти к неодинаковым (а порой и полярным) выводам при анализе одних и тех же текстов. Учитывая, что речь идет не об

отвлеченных или теоретических спорах, а о судебных процессах, в которых выносятся необратимые решения, сопряженные в том числе и с лишением свободы, особенно важно, чтобы суд имел возможность выслушать разные точки зрения. Необходимо, чтобы экспертные заключения могла представлять не только сторона обвинения, но и защита (сегодня такое право ей не гарантировано) и чтобы суд в любом случае не выносил решения на основании одного-единственного мнения специалиста» [1].

Таким образом, проблема компетентности экспертов при проведении независимой лингвopsихологической экспертизы является одной из ключевых при анализе материалов экстремистского характера.

1.6. Проблема психологического анализа текста

Проблема необходимости не только лингвистического, но и психологического исследования текста относительно наличия признаков экстремизма, авторства и решения других смежных вопросов поставлена давно. Однако до недавнего времени не было определено, какой именно анализ текста может проводить психолог, что общего между изучением составляющих психики человека и изучением текста, какие проявления психического можно выявить в тексте. Для ответов на эти вопросы, есть необходимость определить, прежде всего, понятие "текст". И.Р. Гальперин определяет текст следующим образом: "это письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определённый моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное"[4]. Согласно справочникам, **текст** - это выраженное в письменной форме сочинение или высказывание автора, а также официальные документы, акты и др. Текст - это продукт речетворческого процесса, словесно выраженный результат мыслительной деятельности человека. Почему именно тексты (а не более дробные элементы речи - предложения, слова, фонемы) интересны для психологического исследования? Здесь можно обозначить две причины. Во-первых, текст дает полноценные развернутые и не ограниченные возможности разворачивания часто очень сложно структурируемого замысла автора семантики.. Во-вторых, на современном этапе развития психологии нарастает тенденция комплексных, системных исследований, в которых речь и речевые функции рассматриваются в условиях реальной жизни, в структуре общения и взаимодействия людей. Основную роль в этой структуре играют целостные коммуникативные ситуации и целые речевые массивы, отражающие и регулирующие эти ситуации, т.е. тексты моно-, диа-, полилогов. Потому психолингвистические исследования процесса построения грамматически оформленных предложений уступили место изучению сравнительно больших

речевых отрезков, текстов, включенных в жизненную ситуацию, служащих коммуникативным целям.

Психологический и психолингвистический подходы исследования текста ориентированы на выявление таких характеристик, которые можно назвать внутритекстовыми, поскольку они описывают способы внутренней организации структуры текста как показателя мыслительных, эмоциональных процессов автора. Связность, цельность и завершенность выступают как основные признаки текстовых единиц. Выделяются грамматические, лексические и интонационные средства, обеспечивающие основной текстообразующий признак - связность. Через текст, через речевую продукцию мы можем понять человека, его позицию, мысль, настроение, установки, воспитание и иные идентификационные признаки. Поэтому задача психологического исследования текста: найти идентификационные характеристики человека на основе его текстовой продукции обнаружить признаки психологических свойств, действующих мотивов, установок, убеждений, стереотипов.

Переработанная человеком информация об окружающем мире, выраженная в речевой форме, содержит в себе характеристики психики человека. В психологии существуют подходы, направленные на специальное инициирование речевой активности человека с целью установления индивидуализирующих характеристик. Так, психоанализ по характеру речевых проявлений (течение ассоциаций, оговорки) уже давно производит психологическую операцию выделения болезненных структур подсознания. К.Юнг использовал описание сновидений, тексты поэтического творчества и др. для выделения архетипов в подсознании человека. Содержательная сторона речи рассматривается в процедуре контент-анализа, достаточно широко применяемом сейчас в социальной психологии. В теоретическом плане психологически интересными оказываются исследования содержания текстов, проводимые в рамках исторической психологии и культурной антропологии (К.Леви-Стросс, М.Фуко, С.С.Аверинцев, В.В.Иванов, В.Н.Топоров). Через анализ текстов можно делать гипотетические выводы о структуре мышления человека, особенностях отражения мира в его сознании. Таким образом, в содержательной стороне текста, относящейся к объективной действительности, могут быть выделены стороны, несущие более или менее дифференцированную информацию о личностных особенностях говорящего (или пишущего), его жизненном опыте, умонастроении, особенностях мыслительных процессов, а так же давать информацию об использованных психо-лингвистических приемах манипуляций восприятием читающего. Так, например, авторы экстремистских материалов часто используют сознательное нарушение основных логических законов, используют приемы замалчивания части информации, искажения и подтасовок, ложных логических связей и речевых клеше. Ссылаясь на материалы исследований Зеленской О.В., Сулова П.Е. в листовке сторонников антипутинской оппозиции «Налоги - это грабёж!» авторы под видом теоретико-

политических рассуждений пытаются внедрить в сознание читателей мысль о вредности и неприемлемости выполнения своей конституционной обязанности – уплаты законно установленных налогов и сборов. Для этого используется прием подмены понятий. Сущностным признаком налогов определяется принуждение, которое неправомерно отождествляется с насилием, а насилие приравнивается к грабежу, то есть аморальному поступку и преступлению. Налицо сознательное выстраивание логически порочной цепочки рассуждений. [9].

Часто в качестве материалов экспертизы признаков экстремизма выступают рисунки, карикатуры и другие графические изображения, которые включены в текст, содержат текстовые комментарии или выступают отдельными самостоятельными материалами для исследования. Особо следует отметить использование авторами нацистской символики. Изображения нацистской символики в любой форме запрещает ФЗ № 80 от 19 мая 1995 года, “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов” (СЗ РФ. 1995. N 21. ст.1928), «как оскорбляющие многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах». Состав данной статьи был уточнен Федеральным законом от 25 июля 2002 года N 112-ФЗ “О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности“. Федеральный закон от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности“ (СЗ РФ. 2002. N 30. ст.3031) в качестве одного из видов экстремистской деятельности определяет пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения (п.2 ст.1).

Обращаясь к материалу графических изображений стоит отметить большое значение контекста использования подобной символики. Так главным элементом нацистской символики является свастика, стоящая на ребре в 45°, с концами направленными в правую сторону. Этот знак находился на государственном знамени национал-социалистической Германии с 1933 по 1945 гг. При этом стоит обратить внимание на то, что такая свастика является не только символом германского нацизма, но и традиционным символом, используемым многими религиями и культурами, может находиться и в оформлении православных храмов и икон, и в орнаменте мечетей, и в буддистских и индуистских символах. Понятно, что к нацизму это не имеет никакого отношения. Еще одним общеизвестным символом германского нацизма является так называемое «римское приветствие» - вскидывание правой руки с открытой ладонью под углом примерно 45°, а также руны (знак «СС»). При проведении экспертизы важным является комплексный анализ всех представленных материалов, в каком контексте используются графические изображения и символы. Изображение подобных в исторических или

культурных контекстах, не может быть рассмотрено как признаки экстремизма.

Прием карикатурных изображений текстов для усиления их воздействия на массовое сознание так же часто наблюдается в материалах экстремистского характера. В качестве примера можно привести книгу Г.Бутми «Кабала и свобода», на обложке которой в искаженном, карикатурном виде изображены чиновники, евреи и сотрудники милиции. Однако в каждом конкретном случае изучение знаков и символов, карикатур и других графических изображений требует изучения психолого-лингвистических контекстов. Следует так же понимать, что некоторые материалы, предлагаемые на экспертизу признаков экстремизма таковыми не являются, поскольку не носят публичного характера и могут быть не понятны широкому кругу людей и соответственно не оказывают никакого воздействия на восприятия за исключением эстетического. Например, многие символы субкультуры скинхедов своим содержанием понятны только в узком кругу и поэтому не могут считаться экстремистскими. Настоящий смысл таких символов может быть понятен широкому кругу только при специальной расшифровке. Например, сочетания цифр «88» на языке скинхедов означает «Heil Hitler».

2. Междисциплинарный подход к исследованию экстремизма

В настоящее время особо актуальным становится междисциплинарный подход в исследовании признаков экстремизма и квалификации материалов как материалов экстремистской направленности. Такого рода исследования, как правило, предполагают решение нескольких типов задач в соответствии с поставленными вопросами, которые не могут быть решены в рамках одного дисциплинарного подхода, например, только лингвистики. В процессе таких исследований необходимо выявить целый комплекс обстоятельств: психологические индивидуализирующие характеристики авторов исследуемых текстов (действующие целевые установки и мотивы, характер идентификации); смысловую направленность сообщения и его адресаты; характер специальных логических языковых и психологических приемов передачи материала; стилевые характеристики и другое, что является компетенцией социальной психологии и психолингвистики. Психолингвистика - область лингвистики, изучающая язык, прежде всего как феномен психики. С точки зрения психолингвистики, язык существует в той мере, в какой существует внутренний мир говорящего и слушающего, пишущего и читающего. Психолингвистика находится на стыке психологии и лингвистики и изучает взаимоотношение языка, мышления и сознания. Предметом психолингвистического анализа является не только сам текст, но и восприятие этого текста как устной или письменной речи, т.е. извлечение смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний.

Важную роль в исследовании характера восприятия играет многозначность слова, при этом в процессе восприятия слово соотносится с другими словами того же семантического ряда. Воспринимая речь, человек соотносит сказанное с собственной действительностью, со своими знаниями о ней, со своим опытом. В процессе восприятия материала человек активен, он включен эмоционально, выдвигает гипотезы относительно дальнейшего содержания и осуществляет смысловые замены в соответствии с имеющимся опытом.

Часто в публикациях, выступлениях, квалифицированных, как возбуждающие национальную, расовую, религиозную рознь, широко используются ложные, вымышленные факты, бездоказательные утверждения, разного рода манипулятивные ловушки, которые служат созданию негативного образа представителей той или иной национальности или религии, приписывают им враждебность, способствуют созданию атмосферы национальной или религиозной нетерпимости. Характер сообщений может свидетельствовать о сознательном (умышленном) манипулировании информацией, поэтому часто возникают вопросы о правильности приведенных автором сведений, достоверности использованных им источников, подлинности цитат, обоснованности авторских утверждений и суждений по существу. В случае если вопросы подлинности приведенных фактов и достоверности сообщений лежат за пределами психолингвистического анализа и относятся к компетентности других специалистов: историков, религиоведов, экономистов, политологов, генетиков, антропологов, этнологов и др. они могут быть привлечены для проведения комплексных экспертиз наряду с психологом и лингвистом. При этом вопросы должны быть сформулированы так, чтобы каждый из них имел четкое задание в пределах своей компетенции.

В случае проведения комплексной экспертизы, исследование распадается на ряд специальных объектов, самостоятельно исследуемых каждым из специалистов. Такая экспертиза завершается либо составлением нескольких заключений, либо общим заключением. При этом каждый эксперт, в пределах компетенции, подписывает ту часть исследования и свои выводы, за которые по закону несет личную ответственность.

Важнейшей задачей экспертизы и исследования является отделение текстов, несущих признаки экстремизма, то есть возбуждающих ненависть и вражду, от текстов, выражающих радикальные взгляды на окружающую действительность. Само по себе изложение тех или иных истинных фактов и сообщение сведений исторического, религиозного, политического характера еще не означает направленности текста на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Решающую роль играет смысловая функция таких сообщений, то, ради чего, в подтверждение каких взглядов и идей они используются, какие представления и установки несут, какими средствами они пропагандируются, навязываются читателям, слушателям или зрителям.

Специалистами в области психологии являются научные сотрудники научно-исследовательских учреждений и преподаватели высших учебных заведений, имеющие ученые степени психологических наук. Специалистами в области психолингвистики, владеющими знаниями о лексике и семантике исследуемых фраз, являются сотрудники научно-исследовательских учреждений и преподаватели высших учебных заведений, имеющие ученые степени филологических или философских наук, преимущественно работающие на кафедрах современного русского языка. Специалистами, способными проводить культурологические экспертизы и исследования, являются научные сотрудники научно-исследовательских учреждений и преподаватели высших учебных заведений по соответствующему профилю, имеющие ученые степени культурологии, искусствоведения, философских, исторических, социологических, политических, географических, психологических, филологических и ряда иных наук.

Как уже отмечалось выше, исследование признаков экстремизма наиболее эффективно, если используется широкий спектр методов междисциплинарного характера. Качественно проведенная комплексная экспертиза, включающая методы анализа материала, использующиеся в разных предметных областях, обеспечивает, с одной стороны, системность и всесторонность исследования, привлечение к ответственности за распространение действительно опасных идей, а с другой — не допускает чрезмерного применения уголовной репрессии за реализацию гражданами права на свободу слова и свободу выражения мнений.

3. Психоллингвистические методы исследования признаков экстремизма

При подготовке психоллингвистических экспертиз на предмет признаков словесного экстремизма наряду с лингвистическими методами исследования используются методы психологические, относящиеся к исследованию процессов порождения и восприятия текстов и их соотносительности с психическими и психофизиологическими состояниями людей, включенных в процессы коммуникации [8]. Предметом психоллингвистических экспертиз является, прежде всего, смысловая направленность текста.[18].

3.1. Методологические вопросы лингвистического экспертного анализа

При подготовке лингвистических экспертных заключений используется основной общий метод контекстной экспликации понятийно-семантических и логических связей. «Этот метод включает в себя последовательный ряд исследовательских процедур:

- выявление словосочетания, фразы или высказывания, содержащих семантический компонент положительной или отрицательной оценки человека по неизменяемым признакам, путем семасиологического анализа словосочетаний;

- экспликация конкретной речевой ситуации путем замены одного неточного или неясного понятия другим (формально более четким) или уточнение используемых понятий через уточнение их места в какой-либо понятийной системе. С помощью этой процедуры скрытые (имплицитные) смыслы контекста трансформируются в явное содержание текста, которое становится объектом понятийно-семантического анализа;

- анализ коммуникативно-смыслового (логико-понятийного) содержания высказывания путем соотнесения исследуемого текста с понятийно-языковой ситуацией. С помощью этой процедуры определяется логико-смысловая структура высказывания, устанавливается коммуникативная задача и целевое содержание высказывания. Тем самым пропущенные основания суждения и выводы из него («самоочевидное» знание, допущения, следствия из «жизненных аксиом» и т.п.) вводятся в качестве объекта предикатного анализа, а цели и задачи высказывания становятся доступными для исследования. Одновременно семантические субъекты и объекты действий исследуются на предмет их внеязыковой (референтной) отнесенности, т.е. возможности соотнести используемые в тексте имена, именные группы или их эквиваленты с определенными объектами внеязыковой действительности; формулирование предварительных экспертных выводов по выделенным фрагментам текста» [13].

Кроме того, в процессе лингвистического анализа спорного высказывания в зависимости от его типа и объема (состоящий из одного высказывания, речь на митинге) могут использоваться лексико-семантический, морфологический, синтаксический анализ текста.

Метод контекстуального анализа, основанный на разграничении явной (эксплицитной) и скрытой (имплицитной) информации, а также правила исследования языкового материала, позволяющие в той или иной степени алгоритмизировать процесс лингвистического исследования и получить более объективные результаты.[2].

Основными теоретическими направлениями, которые используются в экспертной деятельности чаще всего, являются лексическая и лингвистическая семантика (описание плана содержания слов, словосочетаний и предложений), лингвистическая прагматика (теория речевых актов и речевых жанров, определяющая коммуникативную направленность высказывания), а также теория аргументации, позволяющая выявить тезисы и аргументы спорных текстов и являющаяся основным способом обоснования позиции эксперта в судебном споре.

3.2. Методологические вопросы психологического экспертного анализа

Психологический аспект судебно-экспертного исследования проявляется при установлении индивидуально-личностных свойств и особенностей состояния субъекта преступления, а также психологической специфики юридически значимой ситуации. [20]. Предметом судебно-психологической экспертизы представляются продукты психической деятельности человека либо группы лиц. Они могут иметь как вербальный, так и невербальный характер. В качестве объектов психологической экспертизы могут выступать как живые лица, так и отчужденные материалы, содержащие признаки индивидуализирующие личность. Реконструировать ненаблюдаемые феномены психики человека, что представляется важным при проведении психологической экспертизы, возможно посредством, в том числе, изучения его речевого поведения. С помощью психологических методов представляется возможным исследовать установки и цели говорящего, смысловую направленность речевого материала, отношение к описываемому объекту, характеристики идентификации автора речевого материала, характеристики мыслительных процессов отраженных во внутренней согласованности или рассогласованности материала, его структуре и логике; а так же прогнозировать реакцию слушающего, читающего в зависимости от его индивидуальных характеристик и отнесенности к определенным социальным группам, а так же по признакам национальности.

В качестве основных методов психологического исследования речевого материала используются следующие.

Концептуальный анализ. Метод используется для описания языковой картины мира, как сложившейся в обыденном сознании и отраженной в языке совокупности представлений о мире, определенный способ восприятия действительности. В каждом языке существует своя специфика, изображающая действительность иначе, чем это делают другие языки. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, с одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка, с другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры, например, слова плохо переводимые на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, например, для русских слов: воля, авось, обидно, неудобно), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения (например эмоциональных), которые являются для данного слова специфичными (таковы, например, русские слова счастье, как бы и др).

Метод Интент-анализа. [15]. Интент-анализ дает возможность исследования глубинного психологического содержания речи, которое

заключается в ее «интенциональном пласте», т. е. в намерениях, лежащих в основе речи и косвенно проявляющихся в словах. На основе выделения интенций (намерений) субъекта возможно, анализируя продуцируемую человеком речь, прийти к характеристике содержания его сознания. Текст структурируется в сознании субъекта по общей интенциональной направленности отдельных его отрывков, каждый из которых является носителем совокупности определенных интенций. При восприятии текста и анализе его психологического содержания субъект объединяет отдельные фрагменты текста в факторы, исходя из их интенциональной тональности, окрашенности, смысла. Это дает возможность анализировать текст в целом, делать выводы об общем впечатлении, которое он производит на аудиторию, его целостной интенциональной окрашенности. Так, например, в соответствии с методикой интент-анализа отношение к объекту может быть измерено по трем шкалам (моральность - аморальность, динамизм - пассивность, компетентность - некомпетентность). Группа (или ее представитель) описывается позитивно, с использованием социально одобряемых характеристик или становится объектом негативной оценки из-за описываемых нарушений ею социальных (или каких-то иных) норм. Или - группа (или ее представитель) при описании наделяется чертами активности, динамизма и, наоборот, предстает пассивной и слабой. Или - деятельность группы описывается как успешная или неудачная, а представители группы выступают компетентными, знающими либо лишенными этих качеств.

Позитивному полюсу выделенных шкал приписывается значение +1, отрицательному -1. При отсутствии выраженного оценочного характера приписывается значение 0. Все слова и речевые конструкции текста, характеризующие объект исследования, оцениваются по трем выделенным измерениям, а затем определяется среднее значение, которое и отражает интегральную оценку объекта, содержащуюся в тексте [там же]. Количественные показатели отражают отношение автора текста к имеющим значение для исследования характеристикам, например выраженную автором неприязнь, враждебность или ненависть к группе или ее представителям.

Контент-анализ. Этот метод качественно-количественного анализа документов, широко используемый в социальной психологии, представляет собой «перевод в количественные показатели массовой текстовой информации с последующей статистической ее обработкой». [24]. При исследовании экстремистских материалов данный метод наряду с другими применяется для определения смысловой направленности текстов и отдельных высказываний. Так, можно сослаться на исследования, представленные в материалах Южаниновой А.Л. где контент анализ использовался при проведении судебно-психологического исследования по установлению смысловой направленности заголовка и текста статьи, посвященной национальной проблеме и опубликованной в одной из региональных газет: «Текст статьи (с учетом заголовка, подзаголовков, эпиграфа) состоял из 467 строк. При построчном

подсчете, в частности, было установлено, что слова «Россия», «русские» употреблялись на протяжении всего текста за исключением 42 строк 3-го столбца. Величина 42 по сравнению с 467 по χ^2 -критерию статистически является малозначимой. Существенно меньший объем информации касался рассуждений, связанных с еврейской (8 строк) и с татарской национальностью (всего 34 строки). В соответствии с χ^2 -критерием было показано, что удельный вес информации о татарах статистически значительно выше, чем о евреях. Следовательно, значение, которое автор отводил рассуждениям о евреях, существенно ниже значения информации о татарах. А если учесть, что текст статьи содержал отдельные высказывания об армянах, англичанах, немцах, лезгине, узбеке и лицах других национальностей, то был сделан промежуточный вывод о том, статья посвящена проблемам прежде всего России, русских. Заголовок статьи не отражал содержательного наполнения текста статьи. Название статьи было выбрано автором на основании случайной ассоциации с малозначимыми идеями, содержащимися в тексте». [27]

Метод Шкалирования - присвоения числовых значений отдельным атрибутам некоторой системы или моделирования реальных процессов при помощи шкал. Шкалирование позволяет разбить описание сложного процесса на описание параметров по отдельным шкалам [22]. В результате в применении к исследованию текстовых материалов, можно получить представление об области интересов автора, исследовать важность каждой шкалы для него.

Метод семантического дифференциала (Osgood, 1957) - метод количественного и качественного исследования значений понятий (объектов) с помощью набора биполярных шкал с определенным количеством делений на каждой, задаваемых парой антонимичных прилагательных или другими аналогичными оппозициями [19]. Метод широко применяется для исследования объектов, социальной психологии, психодиагностике, педагогике, психолингвистике, теории массовых коммуникаций, и т.д.

С помощью семантического дифференциала возможна оценка субъективных оттенков значений слов, собственного индивидуального *опыта* респондента, связанного с теми или иными объектами. Семантический дифференциал позволяет измерять коннотативное значение, связанное с эмоциями, личностным смыслом и опытом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабо структурированными и мало- и неосознаваемыми формами восприятия и отношения. По существу методом семантического дифференциала исследуется именно эмоциональная окраска значений. Коннотативному значению противопоставляется денотативное значение, которое понимается как знание об объекте оценивания, о его реальных характеристиках. Отношение денотативного и коннотативного аспектов во многом соответствует отношению объективного и субъективного и отношению знака к обозначаемому: денотативное значение - когнитивно, межличностно, осознаваемо, объективно, а коннотативное значение - субъективно, индивидуально, ценностно,

эмоционально. Этот метод, способен дать содержательную картину внутреннего мира личности, ее отношений к самой себе, другим людям, значимым аспектам окружения, к разнообразным социальным ценностям.

В качестве примера психологического исследования текста на предмет определения цели (целей) информационного сообщения можно сослаться на исследования, описанные в статье А.Л. Южаниновой: «...призыв к населению «Будьте осторожны!» касался деятельности одной из религиозных групп. Проведенное исследование текста документа с использованием семантического анализа, контент-анализа, интент-анализа, статистических методов анализа показало, что его целевая направленность состояла не в том, чтобы посеять религиозную вражду, а чтобы информировать людей о деятельности конкретной религиозной группы в целях предостережения. Сообщение побуждало граждан быть более критичными, осторожными и разборчивыми при общении с представителями данного религиозного направления, призывало население к сознательному и ответственному поведению в отношении этой религиозной группы. При этом адресату была предоставлена возможность свободного выбора характера поведения и религиозного самоопределения» [27].

Кроме перечисленных, наиболее часто используемых психологических методов, применяется весь арсенал диагностических средств психодиагностики в соответствии с целями и задачами исследования в контексте поставленных перед специалистами (экспертами) вопросов.

4. Проблемы постановки вопросов экспертам (специалистам)

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2011 №11 гласит: «В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы.

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [17].

Таким образом, круг вопросов, которые могут быть поставлены на разрешение эксперту, должен быть ограничен конкретными формулировками, позволяющими дать однозначный ответ.

В экспертной практике могут быть использованы следующие типы вопросов:

1. Имеются ли в представленном тексте высказывания побудительного характера, призывающие к насильственным действиям против лиц определенной национальности, расы, религии или иной социальной принадлежности?

2. Имеются ли в представленном тексте высказывания враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или иной социальной группы?

3. Имеются ли в содержании данных материалов признаки призывов к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации?

4. Имеются ли в содержании данных материалов утверждения, направленные на подрыв безопасности Российской Федерации, признаки призывов к осуществлению террористической деятельности либо оправдание терроризма?

5. Имеются ли в содержании материалов утверждения, направленные на унижение национального достоинства какой-либо национальной группы, пропагандирующие исключительность, превосходство или неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной или языковой принадлежности?

6. Являются ли фразы и выражения, сказанные --- в своей публичной речи призывами к какой-нибудь определенной целенаправленной деятельности?

7. Является ли представленное на экспертизу выступление целостным по содержанию и смыслу, направленности воздействия на слушателей?

8. Содержатся ли в предоставленных на исследование высказываниях негативные оценки, оскорбительная лексика в отношении какой-либо этнической, расовой или религиозной группы?

9. Имеются ли в представленном тексте высказывания враждебного или уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или иной социальной группы?

10. Имеются ли в представленных текстах высказывания об исключительности, превосходстве либо неполноценности одной национальной, конфессиональной или социальной группы по сравнению с другой? Если есть, то в какой форме они выражены?

11. Имеются ли в представленных текстах высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной национальной, конфессиональной или социальной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой?

12. Есть ли в представленных материалах признаки, указывающие на природное превосходство одной нации, расы и неполноценность, порочность другой?

13. Есть ли в материалах высказывания об изначальной враждебности, о враждебных намерениях какой-либо нации в целом?

14. Имеются ли высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической группы?

15. Имеются ли признаки требований, призывов к ограничению конституционных прав и свобод граждан каких-либо этнических, конфессиональных или социальных групп?

16. Имеются ли высказывания, содержащие признаки призывов дать привилегии отдельным гражданам или группам лиц, объединенных по национальному, конфессиональному или иному социальному признаку?

17. Используются ли в указанных материалах специальные языковые или иные средства (какие именно) для целенаправленной передачи оскорбительных или унижительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям какой-либо нации, расы, религии или отдельных лиц как её представителей?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алек Д.Эпштейн. Интернет-публикация // Полит.ру на Facebook
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие/ А.Н.Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. - 529с
3. Верховный суд разъяснит судам, что понимать под экстремизмом // [http:// www.crimpravo.ru/blog/ekstremizm/1060.html](http://www.crimpravo.ru/blog/ekstremizm/1060.html)
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981.
5. Галяшина Е.И. Лингвистика VS экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. М.В. Горбаневского. М., 2006.
6. Геранина, И. Н. Психолого-лингвистическое исследование текстов на предмет выявления признаков разжигания в обществе национальной, расовой или религиозной вражды /. //Судебная экспертиза - Саратов: СЮИ МВД России, 2008г. № 3 С.38-42.
7. Егорова Н.А. Некоторые проблемы правовой регламентации ответственности за преступления экстремистской направленности// Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями экстремистской направленности: всерос. науч.-практ. конф., 27 ноября 2009 г., материалы конференции / редкол. П.В. Анисимов и др. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. С. 11-17; интернет-публикация [http:// www.crimpravo.ru/blog/ekstremizm/1060.html](http://www.crimpravo.ru/blog/ekstremizm/1060.html)
8. Енгальчев В.Ф. Юридическая психолингвистика // Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. М., 2001.
9. Зеленина О.В., Суслов П.Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио- видео- и печатных материалов. Научно-практическое пособие. Екатеринбург. 2009.
10. Из пушки по воробьям: Обзор практики правоприменения по ст. 280 УК в 2005 - 2010 гг. Под ред. Александра Верховского и Галины Кожевниковой // [http:// www.sova-center.ru](http://www.sova-center.ru)
11. Интервью с Михаилом Горбаневским// Веб-сайт Союза журналистов россии. Новости. 14.02.11 www.novagazeta.ru
12. Интервью с Яковом Глинским // Веб-сайт Союза журналистов россии. Новости. 28.05.11 www.novagazeta.ru

13. **Комплексное исследование специалистов №81/10 (03-08) // www.spbu.ru/files/upload/science/centers/issledovanie_CHR.doc**
14. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977.
15. Лапшова О. А. Психологическое содержание текста и его оценивание методами интент-анализа и психосемантики. // Психология высших когнитивных процессов. Труды института психологии РАН . ИП РАН 2004. С236-249
16. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации.- М., 1997.
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N 11 г. Москва "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности"Опубликовано 4 июля 2011 г. // [http:// www.Vsrf.ru](http://www.Vsrf.ru)
18. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005.
19. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствоведение. М.: Мир, 1972.
20. Оселков А.А. Теоретические и методологические особенности судебно-психологической экспертизы экстремизма // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 14-15 февраля 2007 г.). М., 2007.
21. Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации: Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. М., 2003.
22. Практикум по психологии / Под ред. А.Н. Леонтьева, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ, 1972.
23. Российская нация – поколенческий проект. Интервью с министром регионального развития РФ В.Ф.Басаргиным // Приложение к еженедельнику «Аргументы недели» №3 (96), 17 февраля 2011.
24. Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М., 1979.
25. Стратегия обеспечения национальной безопасности России до 2020г // <http://kremlin.ru>. (15.07.2009).
26. Уголовно процессуальный кодекс РФ
27. Южанинова А.Л. Вопросы методики судебной психологической экспертизы вербального экстремизма. //Судебная экспертиза - Саратов: СЮИ МВД России, 2008. № 3

Приложение 1. Постановление о назначении комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы

г. Красноярск 200.. года
Старший следователь рассмотрев
материалы уголовного дела №,

УСТАНОВИЛ:

.....
На основании изложенного, руководствуясь ст. 195, 199 и 201 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Назначить по уголовному делу №..... комплексную психолого-лингвистическую судебную экспертизу, производство которой поручить

.....
2. Поставить на разрешение экспертов следующие вопросы:

1. Являются ли фразы и выражения, сказанные --- в своей публичной речи призывами к какой-нибудь определенной целенаправленной деятельности?

2. Содержатся ли в выступлении призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства по национальному признаку?

3. Является ли представленное на экспертизу выступление целостным по содержанию и смыслу, направленности воздействия на слушателей?

4. Содержится ли в выступлении призыв к совершению взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных общественно-опасных последствий?

3. Предоставить в распоряжение эксперта материалы:

.....
4. Разъяснить права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, и предупредить их об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Следователь

Права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, мне разъяснены «__» _____ г. Одновременно я предупрежден об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Эксперт _____

Права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, мне разъяснены «__» _____ г. Одновременно я предупрежден об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Эксперт _____

Приложение 2. Образец направления на исследование

Директору
(наименование учреждения., проводящего исследование)

О направлении на исследование

Уважаемый.....!

В связи с возникшей служебной необходимостью прошу Вас поручить сотрудникам Вашего провести исследование представленных материалов.

В ходе исследования прошу ответить на следующие вопросы:

1.Содержатся ли в предоставленных материалах признаки публичных призывов к экстремистской деятельности или признаки возбуждения ненависти, либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства по национальным и иным признакам?

4.Свидетельствуют ли представленные материалы о принадлежности их авторов к определенным религиозным, национальным или культурным объединениям экстремистской направленности?

Приложение.....

.....

(должность руководителя учреждения)

Приложение 3. Заключение комплексной судебной психолингвистической экспертизы материалов экстремистского характера

Заключение комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы

г. Красноярск

--г.

---октября --- г. постановлением --- по материалам уголовного дела № --- назначена комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза.

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

5. Являются ли фразы и выражения, сказанные --- в своей публичной речи призывами к какой-нибудь определенной целенаправленной деятельности?

6. Содержатся ли в выступлении призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства по национальному признаку?

7. Является ли представленное на экспертизу выступление целостным по содержанию и смыслу, направленности воздействия на слушателей?

8. Содержится ли в выступлении призыв к совершению взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных общественно-опасных последствий?

Производство экспертизы поручено комиссии в составе: ----

Экспертам разъяснены права и обязанности, предусмотренные ст.ст. 57, 200 УПК РФ и они предупреждены об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст.307 УК РФ.

Экспертам для производства экспертизы предоставлены следующие материалы:

1. видеокассета с записью митинга, проходившего --- года;
2. протокол осмотра видеокассеты на -- листах от --- г.

Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза проведена в помещении --- по адресу ---.

Средства и методы экспертного заключения: контекстный психологический анализ, психолингвистический, лексико-семантический, морфологический, синтаксический, контекстуальный, стилистический анализ текста, данные русской академической грамматики, специальной лингвистической литературы.

В заключении используются следующие условные сокращения:

РГ - Русская грамматика. Т.1, Т.2. - М.: «Наука», 1982.

КРГ – Краткая русская грамматика. – М., 2002.

БТС – Большой толковый словарь русского языка. –Спб., Норинт, 1998.

МАС – Словарь русского языка в 4-х т. / АН СССР, 1985.

Обоснование исследовательского хода

Специалисты исходят из того, что объектом психолингвистики являются речевые события (речевые акты, речевые действия, речевые реакции), а также существует фиксированная система параметров - «фрейм», описывающая речевые события. В отечественной психологии наиболее часто используется «деятельностный фрейм», характеризующий речевое событие по параметрам цели, мотива, условия, вида деятельности. В структуру этого фрейма входят такие характеристики как процессуальность, субъект речи, объект речи или ее адресат, мотив или потребность, интенция или речевое намерение, цель, содержание или предмет речевого общения, языковые или семиотические средства.

Психолингвистическое исследование строится на основе анализа процессов, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода и эти сигналы в свою очередь преобразуются в интерпретации слушающих (исследование соотношения структуры сообщений и характеристик человеческих индивидов, производящих и получающих эти сообщения). Исследуется связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой.

Специалисты опираются на известное в психолингвистике положение о том, что текст представляет собой многоуровневое, иерархически организованное целое, где центральное место занимает иерархия речевых элементов, обозначающих действие или состояние. В анализе текста усматривается речевая интенция автора. При этом учитываются условия (жанр) и контекст текста. В связи с этим определяются: внутренняя программа, соответствующая содержательному ядру будущего высказывания, тематическая направленность, языковые средства, раскрывающие замысел.

В экспертном анализе мы так же исходим из следующих положений, представленных в грамматической теории русского языка.

Невопросительные предложения традиционно делятся на 3 группы: повествовательные, побудительные и предложения со значением желания.

Повествовательные предложения – это предложения собственно информирующие, побудительные выражают волеизъявление, требование, просьбу; предложения со значением желательности выражают эмоционально-волевое устремление к тому, чтобы что-либо осуществилось, существовало.

Предложения, выражающие побуждение, оформляются по-разному: это или специальные формы синтаксического побудительного наклонения (*Будь руководителем!; руководи!; Пусть он руководит!*) или предложения, выражающие побуждение самой своей структурой в обязательном сочетании с соответствующей интонацией (*Воды!; Молчать!*), либо сочетанием неспециализированной структуры с интонацией (обычно ИК-2: *Ко мне!; Все наверх!; Быстрее!; Ты должен подчиниться!; Поехали!*).

Предложения со значением желания имеют специальную форму выражения; в то же время желательность может выражаться лексическими средствами (*Хочу, желаю, мечтаю... чтобы он был учителем*)(РГ, Т.2. С. 88).

Исследовательская часть

Выступление включает в себя две основные тематические фокусировки.

Первая связана с позиционированием определенной возрастной группы, а именно молодежи. Автор сравнивает «нынешнюю молодежь» и молодежь других стран. А именно, осуждает пассивность нынешней молодежи и противопоставляет ей поведение молодежи в других странах Франции, Германии. Таким образом, высказывание строится как оценочное суждение большей или меньшей эффективности действий в том и другом случае (негативная оценка не жесткая). Обсуждение идет по принципу «они – они». В этом случае персональная позиция автора выступает как внешняя по отношению к упомянутым группам и в целом к молодежи, что выражается в речевых формах: «...сказать **про** нынешнюю молодежь», «молодежь стоит, ...как на зрелище смотрит», «...как молодежь бастует». Автор не идентифицирует себя с обсуждаемой группой и не солидаризуется с ней. Он говорит про молодежь, а не от имени молодежи. Солидаризация происходит с активной позицией, находящейся на стороне и не принимающей поведение нынешней молодежи, теми кому «нужно», чтобы молодежь вела себя иначе: «**Нужно** не стоять возле администрации...», «... что **нужно** вот так действовать». Адресатом сообщения так же не является молодежь, автор обращается не к молодежи, и не к тем людям, которые стоят рядом, а к другому, не персонифицированному в данном случае адресату: «Вот посмотрите, сейчас, демонстрации собираются, митинги, стоят одни пенсионеры, молодежь, если и стоит где-то, - стоит, как на зрелище смотрит; ну хи, хи, хи, ха, ха». В речи в данном случае отсутствуют экспрессивные характеристики, характер изложения повествовательный. Таким образом, в обращении нет инициаций на возбуждение немедленных действий, автор демонстрирует внешнюю стороннюю оценочную позицию по отношению как к группе «молодежь», про которую идет речь, так и к присутствующим в данный момент на митинге.

Вторая тематическая линия связана с обсуждением необходимости перекрытия границ в целях недопущения иммиграции в Россию. В данном фрагменте есть признаки идентификации, демонстрируется собственная позиция в расчете на солидаризацию, признаки наличия внутренней программы. Презентация идет от первого лица множественного числа «мы», есть признаки переживания (изменение мимики, позы, интонации). В этом случае обсуждение идет по принципу «мы – они»: «...к нам в Россию едут все кому не лень - и чурки, и китайцы, и все подряд». В этом случае адресат высказываний так же не ясен, обращение направлено не к присутствующим, а к третьим лицам (кому «нужно» что-то сделать): «...нужно границы перекрывать, ...начать собственное производство промышленности». Таким образом, нет инициации на возбуждение немедленных действий и обращения к действию именно тех, кому адресовано речевое высказывание.

Вопрос 1. Являются ли фразы и выражения, сказанные --- в своей публичной речи, призывами к какой-нибудь определенной целенаправленной деятельности?

Призыв – 1) действие по значению глагола призвать; 3) обращение, в краткой форме выражающее политические требования; лозунг (БТС: 978).

Призвать - 2) обратиться к кому-либо с требованием, просьбой принять участие в каком-либо деле, присоединиться к какой-л. деятельности (МАС:410).

Призвать – 1) позвать, пригласить, потребовать явиться или делать что-л.; 3) предложить, приказывать вести себя так или иначе (БТС: 977).

В анализируемом выступлении формы побуждения представлены в 2-х речевых фрагментах: 1) в высказываниях «Я бы просто вот хотел сказать перед вами, молодежь, что нужно вот так действовать. Нужно не стоять возле администрации ..., а... штурмовать администрации»; 2) в высказывании «И еще я бы хотел сказать, что нужно границы перекрывать».

В данных высказываниях представлено субъективно-модальное значение в градации «реальность - ирреальность», лексически выраженное модальным глаголом «хотеть». «Термином «субъективная модальность» ... обозначается неоднородный круг средств, используемых говорящим для выражения своего, личного отношения к тому, о чем он сообщает» (КРГ:564). «В сферу модальности включаются слова, своими лексическими значениями выражающие возможность, желание, долженствование, необходимость, ... готовность; это такие слова, как *можно, нельзя, надо, нужно, необходимо, должен, обязан, может, хочет, желает* и т.д.» (РГ:215). В их лексической семантике заключено значение личного, субъективного отношения к чему-либо («я хочу, обязан, намерен...», «ему нужно, необходимо сделать что-либо») (РГ:215).

В данных предложениях волеизъявление имеет модальное значение желания, которое выражено составным глагольным сказуемым «хотел бы сказать». Об этом свидетельствует и используемая форма синтаксически

ирреального наклонения (сослагательного), которое образуется постановкой главного члена – спрягаемой формы глагола *хотеть* в морфологической форме сослагательного наклонения (*хотел бы*). Грамматическим значением сослагательного наклонения является значение возможности в неопределенном временном плане (РГ:102).

Таким образом, можно говорить о наличии в данном высказывании значения волеизъявления-желания (*хочу, чтобы...*), но не о конкретизированном прямом требовании, призыве. На это указывает отсутствие специальных грамматических средств побудительного наклонения – формы глагола 2 лица мн. числа побудит. наклонения (*Идите!*); формы совместного действия (*Пойдемте!*; *Давайте пойдём!*; *Будем идти!* и т.п.); соединения спрягаемого глагола с одной из синтаксических частиц (*пусть, пускай, да*) и т.д.

Характеризуя предложения с союзами, обслуживающими сферу волеизъявления, авторы «Краткой русской грамматики» указывают на выражение значения волеизъявления вместе с опорными словами следующих семантических групп: просьбы, совета, **призыва** и предложения (*просить, упрашивать, молить, заклинать, советовать, побуждать, предлагать, призывать*); ... **желания**, стремления, цели и предпочтения (*хотеть, желать, жаждать, мечтать, стремиться* и т.п.)» (КРГ: 587).

Таким образом, волеизъявление в предложении «*Я бы просто вот хотел сказать перед вами, молодежь...*» не имеет значения требования, прямого призыва, а носит характер **желания, намерения сделать что-либо**. В высказываниях «*Нужно не стоять возле администрации...*» и «*И еще я бы хотел сказать, что нужно границы перекрывать*» выражено субъективно-модальное значение **необходимости**.

В тексте предложения («*Тогда они уже почувствуют...*») выражено модальное значение **предостережения**, угрозы, которое оформлено причинно-следственной связью (использование наречия *тогда* в значении «после того, что произойдет» (БТС:1327).

Вывод:

В анализируемом речевом фрагменте прямые призывы, выражающие политические требования, не выражены.

Волеизъявление в высказываниях «*Я бы просто вот хотел сказать перед вами молодежь, что нужно вот так действовать*» и «*И еще я бы хотел сказать, что нужно границы перекрывать*» носит характер **желания, намерения сделать что-либо (хотел бы)**, а в придаточных предложениях (*нужно*) выражает модальное значение **необходимости**.

В высказывании «*Нужно не стоять возле администрации с флагами, а идти туда с камнями... и штурмовать администрации*» также представлена модальность **необходимости** противодействия существующей власти.

Вопрос 2. Содержатся ли в выступлении призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, возбуждению

ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства по национальному признаку?

Прямые призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства по национальному признаку в анализируемом выступлении отсутствуют. См. ответ на вопрос 1.

Вместе с тем, в выступлении представлены высказывания, которые могут быть рассмотрены как возбуждающие национальную рознь, вражду, а также направленные на унижение чести и достоинства представителей отдельных национальностей.

Отдельные высказывания автора содержат признаки направленности на унижение достоинства представителей национальностей бывшего Советского Союза, содержат суждения о неполноценности людей другой национальности (китайцев). Для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок лиц других национальностей использованы специальные языковые средства: *«сюда к нам в Россию едут все кому не лень – и чурки, и китайцы, и все подряд»*. (Известный специалист в области речевых инвектив В.И. Жельвис квалифицирует слова типа *жид, чурка, черный* как «оскорбительные ксенофобские прозвища и клички, т.е. брань, оскорбляющую чужую нацию». Как справедливо полагает исследователь, в наше время обострившихся межнациональных конфликтов именно эта группа оскорблений заслуживает самого пристального внимания юристов как разжигающая межнациональную рознь» (Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия. – Барнаул, 2000:233).

В выступлении использованы также жанры вербальной угрозы (предостережение об опасности) для тех, с кем солидаризуется автор – *«они (китайцы) начнут есть ложками, и мы с голоду передохнем все»*. Воздействие в данном высказывании выражено в пресуппозитивной (затекстовой) форме – информация о ряде аспектов события в речи непосредственно не выражена, но подразумевается, что и говорящий, и слушатели ее знают.

Вывод:

Прямые призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства по национальному признаку в анализируемом выступлении отсутствуют. См. ответ на вопрос 1.

Вместе с тем, в выступлении имеются высказывания, содержащие побуждения в ирреальной модальности желательности, намерения сделать что-либо и необходимости к насильственным экстремистским действиям, а также высказывания, содержащие признаки унижения чести и достоинства представителей отдельных национальностей бывшего СССР.

Вопрос 3. Является ли представленное выступление целостным по содержанию и смыслу, направленности воздействия на слушателей?

Данное выступление является целостным по содержанию и смыслу, а также направленности воздействия. Выступление включает 2 основных смысловых блока – осуждение пассивности нынешней молодежи и необходимость перекрытия границ в целях недопущения иммиграции в Россию.

Непрямые побуждения, содержащиеся в анализируемом выступлении, являются публичными, так как они были произнесены на митинге, то есть на публичном собрании для обсуждения политических злободневных вопросов. Цель высказываний – повлиять на общественное сознание, побудить слушающих к участию или поддержке определенных действий, а также продемонстрировать, заявить собственный взгляд, позицию (самопрезентация). В целях усиления эмоционального воздействия приводятся факты силовых протестных выступлений молодежи в других странах, сопоставление с аполитичностью местной молодежи (*Ничего не надо!*), а также предостережения в связи с «китайской экспансией» (*и мы с голоду передохнем все*).

Вывод:

Представленное выступление является целостным по содержанию и смыслу, направленности воздействия на слушателей.

Вопрос 4. Содержатся ли в выступлении призывы к совершению взрывов, поджогов, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, иных общественно-опасных последствий.

Вывод:

В данном выступлении не содержатся прямые призывы к совершению общественно-опасных действий, соответствующие семантике побудительных предложений. См. ответ на вопрос 1.

В данном речевом контексте высказывания *«Я бы просто вот хотел сказать перед вами, молодежь, что нужно вот так действовать. Нужно не стоять возле администрации ..., а... штурмовать администрации»* можно рассматривать как **форму коммуникативного побуждения (желание, намерение)** к исполнению действий, имеющих общественно-опасные последствия.

Общие выводы по исследованию

1. В анализируемом речевом фрагменте прямые призывы, выражающие политические требования, не выражены.

2. Прямые призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, а равно унижению человеческого достоинства по национальному признаку в анализируемом выступлении отсутствуют.

3. Представленное выступление является целостным по содержанию и смыслу, направленности воздействия на слушателей.

4. В данном выступлении не содержатся прямые призывы к совершению общественно-опасных действий, соответствующие семантике побудительных предложений.

Эксперты:

Приложение 4. Заключение специалистов по выявлению признаков экстремизма

Заключение специалистов в области психолингвистики

--- г.

В соответствии с письмом --- комиссией специалистов было проведено комплексное психолингвистическое обследование материалов, предоставленных для анализа, - копии газетного текста.

На разрешение специалистам были поставлены вопросы о «наличии в предоставленных материалах публичных призывов к экстремистской деятельности или признаков возбуждения ненависти, либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства по национальным и иным признакам».

Обследование проведено комиссией специалистов в составе: ---

Для психолого-лингвистического анализа представлены следующие материалы:

- Светокопия статьи «---», автор ---, опубликованная в издании «---» № --- от --- г.

Анализ светокопии статьи «---»

Специалисты опираются на известное в психолингвистике положение о том, что текст представляет собой многоуровневое, иерархически организованное целое, где центральное место занимает иерархия речевых элементов, обозначающих действие или состояние. В анализе текста усматривается речевая интенция автора. При этом учитываются условия и жанр текста. В связи с этим определяются: тематическая направленность текста, языковые средства, раскрывающие замысел.

Признаки экстремизма (приверженность к крайним взглядам и мерам).

В тексте содержится ряд признаков, отражающих установки автора, его позиции и отношения, адресованные определенной автором группе. Ряд оценочных высказываний носит характер крайне жестких, метафорически и

ассоциативно открыто угрожающих принятым ценностям суждений. В этом отношении, в частности, можно выделить следующие фрагменты текста:

- «...предугадываем нарастание РУССКОЙ «КАТРИНЫ»;
- «Народ, мобилизованный на подъем страны, быстро разберется с вами и сметет, как крошки со стола»;
- «...потому что были в ненавистной власти».

Основанием для выражения крайних оценок по тексту являются политическая позиция автора, адресатом - политические деятели.

Другой адресат крайних оценок и соответствующая позиция автора, связанная с национальными характеристиками, представлены в следующих фрагментах:

- Богатые «жиды» и своих бедняков не жалеют, брезгают ими;
- «Миллионы инородцев заполняют страну»;
- «Везде мы, русские, ...пропускаем вперед нечисть»;
- «Дети Дьявола делают все для посева розни среди русских, чтобы пошел брат на брата...»;
- «Вот лозунги дня: «Россия против оккупантов», «Русские вперед!».

В этих фрагментах прямо и непосредственно выражена ксенофобическая (ненависть, нетерпимость к чему-либо чужому, незнакомому, иностранному) позиция и установки автора, в данном случае ясно сформулированная как антисемитизм (одна из форм национальной нетерпимости, проявляющаяся во враждебном отношении к евреям).

С учетом жанра, композиции и употребления определенных языковых форм анализируемый текст содержит речевую интенцию обличения, разоблачения, разъяснения предполагаемому коммуникативному адресату определенных характеристик описываемых персонажей. Прием, которым пользуется автор – прямое обращение к персонажу и косвенное (преимущественно) к читателю для солидаризации с позицией автора. В тексте есть экстремистские фрагменты оценочного характера, раскрывающие отношения и установки автора (позицию). В риторической форме (используемой как словесный прием, своеобразное украшение текста и позиции) в тексте используются призывы к политическим противникам автора осуществить действия в отношении самих себя и президента, но эти призывы (помимо контекстуального смысла) выражены не в крайних формах: «освободите», «дайте ему не позорно уйти».

Таким образом, в анализируемом тексте не содержатся прямые призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Признаки возбуждения ненависти либо вражды.

В тексте используется прием оппозиции в двух вариантах:

- 1) как политического противостояния «власть-народ»;
- 2) по национальному признаку «русские-инородцы».

Использование приемов контрастирования, инвективы (речевой агрессии) представлено в следующих фрагментах текста:

- «...низкопоклонники, проныры, надувалы (...) есть среди вас почти порядочные – числом, правда мизерным»;

- «Миллионы детей слоняются по стране как волчата, вынырившая месть, ожидая заварухи, чтобы пускать кишки первым встречным»;

- «Богатые «жиды» и своих бедняков не жалеют, брезгают ими»;

- «...гадкий в реализации намерений (...) тут уж сказалась кровь иного свойства».

Смысловая характеристика используемых противопоставлений образует иерархический «центр» текста и через солидаризацию и сопереживание автору обуславливает направленность на появление чувств ненависти и вражды к политическим противникам и «инородцам».

Таким образом, в тексте имеются высказывания, возбуждающие социальную ненависть и национальную рознь, вражду.

Признаки унижения человеческого достоинства.

Текстуальные признаки унижения обнаруживаются при использовании речевых форм, обращенных к традициям культуры и содержащим уничижительные характеристики, подчеркивающие неполноценность, ущербность, порочность того, кому эти характеристики приписываются.

Такие признаки содержатся в следующих фрагментах текста:

- « ... мелких особей с опавшими веками...»;

- «проныры», «надувалы», «лакеи»;

- «...Несвободен, повязан, запуган»;

- «Жиды», «нечисть».

Логико-семантический и лингвостилистический анализ данных фрагментов в общем контексте показывает, что они относятся к личностям, а не к конкретным поступкам, выражены преимущественно в форме утверждений, а не мнения, являются инвективно (вербально-агрессивно) направленными, имеющими целью словесное оскорбление данных лиц.

Таким образом, анализ текста дает основания утверждать, что в нем содержатся признаки реализованного намерения автора унижить человеческое достоинство по признакам, связанным с политической, профессиональной деятельностью и с национальной принадлежностью.

Общие выводы проведенного психолого-лингвистического анализа

1. В статье «---» нет материалов, содержащих призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

2. В статье «---» есть признаки возбуждения ненависти и враждебного отношения к представителям власти, политическим оппонентам и представителям иной национальности (евреям).

3. В статье «---» есть признаки унижения человеческого достоинства по национальным признакам, имущественным различиям и политическим ориентациям.

Специалисты:---